

УДК 340.113.1
DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0097

©2021 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0.
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ВИРТУАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ДИСКУРС В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 8894-1939
AuthorID: 112765
ResearcherID: J-4391-2016
ORCID: 0000-0001-9139-5367
ScopusID: 56682737200

СКОРОБОГАТОВ Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
(420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

SPIN: 1870-4377
AuthorID: 417078
ResearcherID: AAF-5723-2021
ORCID: 0000-0003-1793-8161
ScopusID: 56459067500

СКОРОБОГАТОВА Анна Ильдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42, e-mail: skorobogatova@ieml.ru)

Аннотация. Цель статьи – исследовать особенности содержания, развития и функционирования правового дискурса в виртуальном пространстве. Методы: Методологической основой статьи является дискурсивно-коммуникативная теория. Как вариант интегративного подхода она позволяет объединить принципы и методы исследования содержания, развития и функционирования правового дискурса, разработанные в различных гуманитарных науках и изучить его значение в конструировании не только виртуальной, но и социальной реальности. Результаты: Особенностью современной правовой и социальной реальности становится все большая цифровизация, которая сопровождается созданием новой формы правового дискурса, который можно назвать «виртуальный правовой дискурс». Специфика этой формы дискурса опосредована его виртуальной природой, проявляющейся в конвенциональном характере конструирования как отдельных правовых текстов, так и дискурса в целом. Выступая результатом правовой коммуникации, виртуальный правовой дискурс оказывает воздействие не только на сознание и поведение отдельных субъектов, но и на конструирование правовой реальности в целом. Речь при этом идет как о виртуальной реальности, так и о социальной, которая постепенно становится продолжением и отражением киберпространства. Научная новизна: Исследование особенностей содержания, развития и функционирования виртуального правового дискурса позволяет выявить особенности взаимодействия субъектов (человек, социальная группа, общество) в виртуальной и социальной реальности. Практическая значимость: Сформулированные в результате исследования выводы могут быть использованы для дальнейших исследований и конструирования правового дискурса как в виртуальной, так и в социальной реальности.

Ключевые слова: правовой дискурс, правовая коммуникация, виртуальный правовой дискурс, правовая реальность, социальная реальность, виртуальная реальность, дискурсивно-коммуникативная теория, интегративный подход.

VIRTUAL LAW DISCOURSE IN THE COMMUNICATIVE PARADIGM

© The Author(s) 2021

SKOROBOGATOV Andrey Valerievich, doctor of History sciences, associate professor, professor of the department of Theory of State and Law, Public Disciplines
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
(420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

SKOROBOGATOVA Anna Ildarovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogics
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
(420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42, e-mail: skorobogatova@ieml.ru)

Abstract. The purpose of the article is to explore the features of the content, development and functioning of law discourse in the virtual space. Methods: The methodological basis of the article is the discursive-communicative theory. As a variant of the integrative approach, it allows you to combine the principles and methods of researching the content, development and functioning of law discourse, developed in various humanities, and to study its significance in the construction of not only virtual, but also social reality. Results: Increasing digitalization, which is accompanied by the creation of a new form of law discourse, which can be called “virtual law discourse”, is becoming a feature of modern law and social reality. The specificity of this form of discourse is mediated by its virtual nature, which manifests itself in the conventional nature of the construction of both individual law texts and discourse as a whole. As a result of law communication, virtual law discourse affects not only the consciousness and behavior of individual subjects, but also the construction of law reality as a whole. At the same time, we are talking about both virtual reality and social reality, which is gradually becoming a continuation and reflection of cyberspace. Scientific novelty: The study of the peculiarities of the content, development and functioning of the virtual law discourse makes it possible to reveal the peculiarities of the interaction of subjects (person, social group, society) in virtual and social reality. Practical significance: The conclusions which were formulated as a result of the research can be used for further research and the construction of law discourse in both virtual and social reality.

Keywords: law discourse, law communication, virtual law discourse, law reality, social reality, virtual reality, discursive-communicative theory, integrative approach

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Современная правовая реальность, будучи частью социальной, испыты-

вает существенные ценностные трансформации, связанные не только с глобализационными процессами и транзитивностью развития России, но и с формированием нового типа общества, которое можно обозначить как

цифровое (виртуальное, информационное, кибер-). Для этого типа общества характерно усиление перформативности, интерпретативности и символизма, расширение конвенциональности при конструировании социальной и правовой реальности. Это обусловило изменения не только в содержании, но и в сущности правового дискурса, который все больше виртуализируется.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Интерес к языковым проблемам правовой сферы жизни общества связан с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках, который относится к 1960-м гг. Однако речь шла лишь об изучении особенностей словоупотребления в юридических текстах (W.M. O'Bagg [1], D. Mellinkoff [2]). Юридический дискурс стал интересовать исследователей только в 1980-1990-е гг. Это связано с разработкой аргументативной (R. Alexy [3], Ch. Perelman [4]) и коммуникативной теорий права (Jü. Habermas [5], M. van Neecke [6]), в которых был поднят вопрос о внутренней логике развития права и обусловленности нормативного смысла социокультурным контекстом. Все большее внимание исследователей стала привлекать проблема правовой коммуникации (J. Cotterill [7], S. Harris [8], G. Stygall [9]), контекстуальность юридического языка (J. Engberg [10]) и изучение социальной значимости закона в контексте правовой идентичности (M. Gotti; Ch.J. Williams [11]).

В России к исследованию юридического дискурса и дискурсивности права ученые обратились лишь в 2000-е гг. (Т.В. Дубровская [12], И.В. Палашевская [13], А.В. Скоробогатов [14], Н.Г. Храмцова [15], И.Л. Честнов [16] и др.). Основное внимание было уделено изучению понятия, содержания и значения дискурса в развитии и функционировании правовой реальности, рассмотрению его влияния на правовое поведение индивида, группы и общества. Своеобразным итогом дискурсивной рефлексии стал сборник статей российских и зарубежных авторов «The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse» [17], в котором сосредоточено внимание на прагматических аспектах юридического дискурса, прежде всего, его интерпретативном потенциале. Однако в большей степени юридический и правовой дискурс изучаются в контексте социального пространства, в то время как все большее распространение получает использование юридического языка и юридических текстов в виртуальном пространстве, которое перестает быть продолжением социального и становится самостоятельной сферой правовой коммуникации [18].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – исследовать особенности содержания, развития и функционирования правового дискурса в виртуальном пространстве.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Методологической основой статьи является дискурсивно-коммуникативная теория. Как вариант интегративного подхода она позволяет объединить принципы и методы исследования содержания, развития и функционирования правового дискурса, разработанные в различных гуманитарных науках и изучить его значение в конструировании не только виртуальной, но и социальной реальности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В современной гуманитаристике дискурс рассматривается как комплексная категория [19, с. 110], включающая в себя лингвистические, философские и логико-семантические аспекты, благодаря которым он имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, оказывая непосредственное воздействие на сознание и поведение индивида в процессе социализации. Одновременно дискурс можно рассматривать по сферам его бытования в

обществе, важнейшей среди которых выступает правовая жизнь, охватывающая все стороны поведения и взаимодействия субъектов в социальном пространстве [20]. Дискурс права при этом является основой и выражением не только правовой, но и социальной коммуникации, определяя ее субъективный и интересобъективный смысл в пределах определенной аксиосферы [21].

Однако формирование цифрового общества, сопровождающееся усилением коммуникативного и конвенционального значения социальных сетей и иных средств виртуального взаимодействия [22], обуславливает трансформацию не только отдельных правовых ценностей, но и аксиосферы в целом. Благодаря специфическому характеру коммуникации в виртуальном пространстве [23] не только в индивидуальном, но и в коллективном правосознании формируется принципиально новая картина мира, которую можно обозначить как информационно-кибернетическую [24]. При этом происходит маргинализация национальной правовой традиции [25], обусловленная тем, что границы между национальным и глобальным в информационной среде не только становятся прозрачными, но и полностью нивелируются.

В тоже время новая картина мира не является целостностью. Виртуальная реальность представляет собой лишь симулякр, отражающий отдельные моменты жизни человека, вследствие чего носит фрагментарный (мозаичный) характер [26]. Индивид становится не в состоянии охватить все виртуальное пространство, выхватывая из него лишь отдельные фрагменты, которые объединяются в символическую реальность лишь в силу интерпретации в его правосознании. Особенно это заметно при обращении к социальным сетям, которые все больше приобретают визуальный характер, позволяющий индивиду выступать в разных социальных ролях, зачастую не связанных с его социальным и правовым статусом. Хотя это еще не означает полного ухода в «матрицу», виртуальная реальность все больше приобретает аксиологическую артикуляцию [27].

Это ярко проявляется в различных видах виртуального дискурса, наиболее значимым среди которых авторы считают правовой дискурс, который является не просто продолжением реального, а новой формой, не имеющей аналогов в социальной реальности. Новый правовой дискурс приобретает все большее значение в правовой коммуникации как обыденной, так и профессиональной и доктринальной направленности. Объединяя вербальные, визуальные, игровые и иные практики презентации и самопрезентации (самоидентификации) субъекта, виртуальный правовой дискурс выступает как гипертекст, ориентирующий читателя не столько на реконструкцию, сколько на деконструкцию текста в его культурологическом понимании как символически выраженная человеческая мысль, независимо от средств ее артикуляции [28]. Главным становится интерпретация текста и контекста читателем, обусловленная его ценностными ориентациями [29]. Речь при этом идет не только о первичной, но и о вторичной интерпретации, в частности, в ситуации с репостами.

Интерпретация вторичного текста зависит от выбора интерпретатором первичных текстов и(или) контекстов, отражающих не только индивидуальную ментальность субъекта, но и социальное сознание группы, с которой себя идентифицирует индивид. При этом субъект, воспринимая групповые нормы и ценности, стремится не только к их соблюдению, но и воспроизводству, хотя лишь в виртуальном пространстве [30].

Особенности виртуального правового дискурса опосредованы не только его формой, но и особенностями правовой коммуникации в киберпространстве, которая имеет не только техническую, но и ценностную составляющую, определяющую специфику интерпретации субъектом правовых текстов. По субъектному составу виртуальную правовую коммуникацию можно разделить на два вида: монолог и диалог (полилог), хотя не всегда

удается четко определить, к какому виду можно отнести тот или иной текст. Зачастую субъект, создавая правовой текст, не предполагает, что он будет интерпретироваться, а, следовательно, носить характер не монолога, а диалога. Однако и интерпретация первичного правового текста, в результате которой конструируется вторичный текст, также может восприниматься ее автором в качестве монолога, хотя и иной артикуляции.

Смысл, который вкладывает субъект в лексему, используемую при создании и (или) интерпретации правового текста, опосредован индивидуальным и социальным правовым опытом. Это обуславливает ситуативный характер монологичной коммуникации, лексемы и содержание которой опосредуются различными внешними и внутренними факторами, не всегда четко осознаваемыми индивидом. Используемые субъектом вербальные, визуальные и иные средства направлены на выражение собственных мыслей и чувств и выступают как монолог, ориентированный прежде всего на себя, но в силу возможности киберпространства открытый для взаимодействия с другими лицами. Главным при этом становится донести до иных субъектов свою позицию, независимо от того, насколько адекватно она будет ими понята и интерпретирована. Особенно заметно это в сети Instagram.

В случае диалогичной коммуникации автор текста изначально ориентирован на читателя. Выступая в качестве адресанта коммуникации, автор стремится придать тексту интересубъективный характер, сделать его понятным для читателя-адресата, что позволяет воздействовать на его правосознание и правовое поведение. Однако зачастую такая интересубъективность носит мнимый характер, отражая субъективные и ситуативные представления адресанта. Примером этого могут служить демомотиваторы, мемы и хэштеги, конструирование которых монологично, а функционирование приобретает черты интересубъективности и диалогичности [31]. Благодаря ориентации на эмоциональную оценку эти объекты рассматриваются как автором, так и интерпретатором не только в качестве возможности для проявления творческой свободы, но и как средство конструирования новой правовой реальности.

Правовой дискурс разворачивается не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне, в нем принимают участие как специалисты, так и граждане, для которых большее значение имеет не позитивное, а социальное право. Такой дискурс представляет собой эвристическое расширение пространства социальной коммуникации. Правила поведения при этом получают идеальное наполнение и относительно устойчивые внешние связи. Благодаря этому они получают потенциальную возможность внедрения в социальную жизнь не только виртуально, но и реально. Примером распространения виртуального правового дискурса на отношения в социальном пространстве могут служить «группы смерти», широко распространенные в интернете [32]. Формируемые куратором (адресантом коммуникации) правила поведения выступают в качестве ценностного ориентира для членов группы (адресатов коммуникации) в силу восприятия ими субъективно конвенциональной правовой нормы как средства регулирования отношений не только в виртуальном пространстве, но и в реальном мире. Причем в последнем случае они рассматриваются в качестве эталона [33].

Виртуальная правовая коммуникация все больше приобретает характер полилога, несмотря на то что изначально значительная часть правовых текстов формируются монологично. Это предполагает усиление координации и согласованности суждений и горизонтальный характер взаимодействия субъектов, увеличение конвенциональности правового дискурса. Однако, как показывают исследования дискурса [34], горизонтальность виртуальной правовой коммуникации зачастую лишь мнимая. Конвенциональность ценностных суждений в киберпространстве носит условный характер, будучи открытой

для воздействия извне. Это широко используется референтными группами для формирования общественного мнения. Причем в условиях глобализации виртуального пространства эти группы могут преследовать не только антигосударственные, но и антиобщественные цели [35].

Виртуальный правовой дискурс существенно расширяет потенциал индивида в конструировании не только виртуальной, но и социальной реальности [36], в т.ч. правовой. Воспринимая себя демиургом, способным своими действиями порождать реальность не только аксиологически, но и онтологически, субъект расширяет пространство правовой коммуникации, выходя из виртуального мира в реальный. Примером такой ситуации является широкое использование протестного настроения в социальных сетях в период «арабской весны» [37].

Виртуальное пространство – это место, где ограниченность является плюсом в буквальном смысле слова. Оценки здесь носят бинарный характер, не предполагая оттенков и полутонов: «добро/зло», «белое/черное», «правильно/неправильно», «свой/чужой» [38]. Эти бинарные оппозиции связаны как с техническими ограничениями размещения вербальной информации (например, количество знаков в твитах), так и с информационной спецификой виртуального пространства. Бинарная подача правовой информации существенно облегчает ее восприятие неспециалистами, которые не хотят вдумываться в юридические тонкости регулирования общественных отношений, предпочитая получение ценностных суждений, выраженных общепринятыми лексемами.

Кроме того, ценностные границы в социальных сетях постоянно изменяются. Адресант, конструируя эти границы, имеет возможность сформировать необходимые ценностные ориентации адресатов. Если в реальном мире существуют определенные критерии легальности мнений и суждений, то в виртуальном пространстве такие критерии отсутствуют. Хотя в ряде государств предпринимаются попытки распространить действие позитивного права на виртуальное пространство, правила поведения в киберпространстве не связаны с официальным правотворчеством и являются конвенциональным результатом виртуальной правовой коммуникации. Это позволяет адресанту осуществлять манипулятивное воздействие на правосознание и правовое поведение адресатов не только в виртуальном пространстве, но и в реальном мире. Не случайно в США уделяют большое внимание попыткам вмешательства России в выборы, прежде всего, не техническим путем, а информационным [39], включающим в себя ценностную составляющую.

Зачастую субъекты виртуальной правовой коммуникации не знакомы с предметом коммуникации и их высказывания и оценки являются коннотацией или прямым воспроизводством позиции иных субъектов, которые идентифицируются или самопрезентуются в качестве акторов. Особенно это характерно для блогосферы, где наиболее «авторитетные» блогеры имеют миллионы подписчиков. Это позволяет им формировать аксиологическую основу правосознания определенного сообщества, т.е. субъектов, которые являются подписчиками блогера и могут рассматриваться в качестве номинальной социальной группы [40]. Ценностные ориентации такого сообщества формируются как позитивная реакция на суждения блогера, выступающего при этом в качестве адресанта коммуникации. Однако, участвуя в репостах, члены такой группы пытаются принять роль адресанта на себя и трансформировать субъективную оценку правовой ситуации в интересубъективную.

Анализ содержания и особенностей функционирования правовых текстов в информационном пространстве позволяет выделить несколько видов нового дискурса.

1) Официальные юридические тексты, размещенные в сети Интернет, открытость доступа к которым дает возможность их использования как в виртуальной, так и в социальной коммуникации. Примером таких текстов выступает, прежде всего, официальный портал правовой

информации pravo.gov.ru. Однако, если рассматривать правовой дискурс не только в юридическом, но и социальном контексте, к этой группе правовых текстов можно также отнести справочные правовые системы, судебные правовые системы, нормативные акты, размещенные на официальных сайтах государственных и муниципальных органов и т.д. Кроме того, в эту же группу входят оцифрованные историко-правовые тексты, размещенные на сайтах библиотек и архивов. Несмотря на их непосредственную несвязанность с современной правовой реальностью, они могут использоваться не только в научных исследованиях, но и в иных видах правовой коммуникации, например, в правовой пропаганде. При этом речь идет не только о вербальных, но и визуальных текстах.

2) Виртуальные консультации по юридическим вопросам, которые могут использоваться как непосредственно адресатом консультации, так и иными участниками правовой коммуникации в виртуальном и(или) социальном пространстве. Такие тексты могут быть как результатом интерпретационной деятельности государственных органов и представителей юридического сообщества, так и обсуждением вопросов правовой направленности в социальных сетях. Субъектами правовой коммуникации в последнем случае зачастую выступают лица, не имеющие юридического образования. Конструирование правовых текстов при этом осуществляется лишь на основании социального и(или) индивидуального опыта адресанта. В значительной степени опыт оказывает влияние и на интерпретацию и понимание этих текстов и иными участниками правовой коммуникации.

Особенностью этой группы текстов является их явная или латентная анонимность, возможность скрыть свои реквизиты за аватаром и(или) никнеймом. Вследствие этого каждый из участников коммуникации может позиционировать себя как адресанта и определять не только используемый опыт, но и интерпретируемые правовые тексты. При этом индивид будет руководствоваться не конкретными наставлениями, а собственной интерпретацией виртуального социального опыта, который будет восприниматься как индивидуальный.

В определенной степени к этой группе текстов можно отнести электронные энциклопедии (например, Википедию), информация которых способна оказывать большое влияние на формирование ценностных ориентаций участников правовой коммуникации. Отсутствие научной обоснованности и верифицируемости части этих текстов искажают интерпретацию правовой реальности. Однако особенности формы этих текстов обуславливают их восприятие субъектами в качестве доктринальной представленного социального правового опыта, который может служить основой не только обыденной, но и профессиональной и даже научной коммуникации.

3) Комплекс размещенных в сети интернет научных текстов на правовые темы, например, научная электронная библиотека eLibrary.ru. Благодаря их структуризации, облегчается возможность использования таких текстов в правовой коммуникации не только научного, но и профессионального характера. В меньшей степени эта группа текстов участвует в обыденной коммуникации, что говорит о достаточно низкой степени ее участия в формировании виртуального правового дискурса. Кроме того, в силу особенностей создания и бытования эти тексты, даже в случае отсутствия их literatury, являются продолжением научного правового дискурса в социальном пространстве.

К этой же группе текстов можно отнести визуализированные результаты правовой коммуникации, формируемые при электронной записи осуществляемых в дистанционном формате научных форумов. Данная визуализация в большей степени используется не в научной, а в образовательной коммуникации, оказывая влияние на вторичную правовую социализацию.

4) Профессиональные социальные сети юридической тематики, которые являются продолжением професси-

ональной и доктринальной коммуникации в реальном мире (например, zakon.ru). Также к этой группе текстов можно отнести закрытые профессиональные группы в социальных сетях, предназначенные для обсуждения наиболее сложных вопросов юридической практики. В отличие от других видов юридического дискурса, тексты этой группы менее анонимны и более аргументированы. Несмотря на то, что данные тексты, как правило, выступают дополнением правового дискурса в реальном мире, виртуальная коммуникация позволяет более свободно выбрать не только тему для дискуссии, но и артикулировать информационный и интерпретационный потенциал правового дискурса. При этом речь идет как о первичных текстах, в т.ч. официального характера, так и о вторичных текстах, являющихся результатов профессиональной и(или) доктринальной интерпретации. Необходимо учитывать, что субъектами правовой коммуникации в этой ситуации выступают представители не столько реальной, сколько номинальной группы. Зачастую формирование этой номинальной группы опосредовано тематикой виртуальной коммуникации. Это позволяет рассматривать виртуальный правовой дискурс данной группы одновременно результатом и средством правовой коммуникации.

5) Цифровое (электронное, виртуальное, кибер-) право [41], которое не является продолжением информационного права социальной реальности, а выступает самостоятельным средством регулирования отношений в виртуальном пространстве. Цифровое право представляет собой конвенциональный результат социального конструирования неформальной правовой системы. В отличие от социального пространства, где правовая система носит упорядоченный и иерархизированный характер, цифровое право представляет собой неупорядоченную совокупность правил, в значительной степени имеющих фрагментарный характер. Эти правила конструируются и функционируют в отдельных виртуальных сообществах, отражая индивидуальный и социальный опыт субъектов, сформированный как в виртуальном, так и в реальном мире, и закрепляя ценностные ориентации номинальной группы. При этом необходимо учитывать, что эти группы, как и конструируемый ими дискурс, имеют неинституциональный характер и функционируют по принципу самоорганизующихся социальных систем [42].

В отличие от предыдущих видов виртуального правового дискурса, которые в той или иной степени связаны с дискурсом в социальной реальности, цифровое право имеет исключительно виртуальную природу и опосредовано лишь виртуальной правовой коммуникацией. Коммуникативной особенностью данного дискурса является его социальность, выражающаяся в коллективном авторстве правовых текстов вербального, визуального и иного характера. Для субъектов виртуальной коммуникации не важен реальный автор первичного правового текста и, напротив, более значима возможность его интерпретации и создания вторичного текста, который носит диалогичный характер. С одной стороны, вторичный текст является результатом субъективной интерпретации отдельного участника коммуникации и опосредует индивидуализированный социальный правовой опыт. С другой стороны, он выступает конвенциональным результатом взаимодействия неограниченного числа лиц, вовлеченных в виртуальную правовую коммуникацию, и отражает их социальный опыт, сформировавшийся в киберпространстве. Благодаря этому, каждый субъект виртуальной правовой коммуникации одновременно выступает как адресат и адресант и наравне с другими участниками выступает творцом цифрового права. Т.е. последнее формируется по тем закономерностям, которые характерны для неформальных правовых систем [43].

Использование репостов в процессе интерпретации вторичных правовых текстов придает последним коннотации и аллюзии, обусловленные не только и не столько правовым и(или) социальным контекстом, но и включением в них правовой информации, содержание которой

настолько отличается от первоначального текста, что способно придать ему искаженный и даже совершенно противоположный смысл [44, р. 141]. Благодаря этому правовой дискурс приобретает возможность расширить свои пространственные и темпоральные пределы, что позволяет ему существовать и функционировать в разных хронотопах. Эта тенденция все больше распространяется в виртуальном пространстве, в т.ч. в силу глобализации социальных сетей. Однако эта конвенциональность часто носит целенаправленный характер и используется для формирования поведения субъекта не только в виртуальном, но и социальном пространстве. Ярким примером является использование социальных сетей и мессенджеров для формирования протестного настроения и оппозиционных выступлений [45].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, особенностью современной правовой и социальной реальности становится все большая цифровизация, которая сопровождается созданием новой формы правового дискурса, который можно назвать «виртуальный правовой дискурс». Специфика этой формы дискурса опосредована его виртуальной природой, проявляющейся в конвенциональном характере конструирования как отдельных правовых текстов, так и дискурса в целом. Выступая результатом правовой коммуникации, виртуальный правовой дискурс оказывает воздействие не только на сознание и поведение отдельных субъектов, но и на конструирование правовой реальности в целом. Речь при этом идет как о виртуальной реальности, так и о социальной, которая постепенно становится продолжением и отражением киберпространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. O'Barr W.M. *Linguistic evidence: Language, power and strategy in the courtroom* (Studies on Law and Social Control). New York: Academic, 1982. – XV, 192 p.
2. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown and Co., 1963. XIV, 454 p.
3. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts*. – 2. Aufl. – Freiburg (i.B.)/München: Karl Alber, 1994. 215 s. (Русский перевод: Алекс Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. *Begriff und Geltung des Rechts*; пер. с нем. / [А. Лантев, Ф. Кальнойер]; [В. Бергманн, пред., сост.]; [Т. Яковлева, науч. ред.]. – М.: Инфопроник Медиа, 2011. – 192 с.)
4. Perelman Ch. *Ethique et Droit*. Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. 832 p.
5. Habermas J. *The theory of communicative action*. – Boston: Beacon Press, 1984. – Vol. 1-2.
6. Van Hoecke M. *Law as Communication*. – Oxford: Hart Publishing, 2002. 215 p. (Русский перевод: Хук М. ван. *Право как коммуникация* / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.)
7. Cotterill J. *Language and Power in Court: A Linguistic Analysis of the O. J. Simpson Trial*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 256 p.
8. Harris S. *Interrogation and evidence: Questioning sequences in courtroom discourse and police interviews* // Candlin C.; Sarangi S. (eds.) *Handbook of Communication in Organisations and Professions*. Berlin: De Gruyter, 2011. P. 277-298.
9. Stygal G. *Discourse in the US courtroom* // Tiersma P.; Solan L.M. (eds.) *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 369-380.
10. Engberg J. *Word meaning and the problem of a globalized legal order* // Tiersma P.; Solan L.M. (eds.) *Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 175-186.
11. Gotti M.; Williams Ch.J. (eds.). *Legal Discourse across Languages and Cultures*. Bern: Peter Lang, 2010. 338 p.
12. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
13. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: моногр. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
14. Скоробогатов А.В. Ценностная детерминация юридического дискурса // *Правовая культура*. – 2019. – № 2(37). – С. 30-38.
15. Храпцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: моногр. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 180 с.
16. Честнов И.Л. *Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности*. СПб.: СПб. юридический институт генеральной прокуратуры РФ, 2000. 104 с.
17. Giltrow J.; Stein D. (eds.). *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. XI, 373 p.
18. Скоробогатов А.В. Виртуализация современного правового

- дискурса // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2019. Т. 8. № 2(27). – С. 171-175. DOI: 10.26140/bgj-2019-0802-0037.
19. Alexy R. *Recht, Vernunft, Discurs. Studien zur Rechtsphilosophie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 292 s.
20. Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С. *Право на коммуникацию: должное и сущее* // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2013. № 4. – С. 217-225.
21. Горобец К.В. *Аксиосфера права: философский и юридический дискурс: моногр.* – Одесса: Фенікс, 2013. – 218 с.
22. *Каждому возрасту свои сети* // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 10.02.2021).
23. Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г. *Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой* // *Вопросы психолонгистики*. 2014. № 21. С. 86-97.
24. Майер Р.В. *Информационно-кибернетическая картина мира и ее формирование у студентов педагогических вузов* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 3(32). С. 161-164. DOI: 10.26140/anip-2020-0903-0036
25. Карякина А.А. *Преодоление влияния массовой культуры на традиционную культуру* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 163-165. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0038.
26. Каргин К.В. *Участники юридической аргументации* // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2013. № 2. – С. 164-169.
27. Груздева В.В., Груздев В.В. *Антропологический подход к исследованию динамики цивилизации и культуры* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 96-100. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0020.
28. Симбирцева Н.А. *Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели)* [Электронный ресурс]: монография. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CDROM).
29. Карымова М.Г. *Гипертекст в философии постмодернизма* // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та*. 2002. № 1. С. 64-69.
30. Шаповал Е.А., Мальцева В.А. *Социальная идентификация модели в виртуальных сетях* // *Право и правопорядок: приоритетные направления развития: сб. науч. тр. / отв. ред. С.Е. Туркулец*. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. С. 381-385.
31. Савицкая Т.Е. *Интернет-мемы как феномен массовой культуры* // *Информационные технологии*. 2017. № 1. С. 1-17.
32. Жихарева Л.В. *Виртуальные группы смерти: методология исследования* // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки*. 2018. Т. 37. № 1. С. 141-146.
33. Татаринов К.А., Зверев А.Ф. *Принципы саморазвития личности* // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 99-102. DOI: 10.26140/anip-2020-0902-0021.
34. Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. *Цифровая демократия в условиях пандемии: этические, правовые и политические аспекты*. Ч. 1 // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. № 55. С. 94-99. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-94-99.
35. Моррис Р. С. *Самоконтроль и криминальные наклонности: лонгитюдное исследование мер общественного воздействия, направленных на повышение самоконтроля* // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14. № 3. С. 598-623. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.598-623>.
36. Честнов И.Л. *Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации* // *Вестн. РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2010. № 14(57). С. 15-20.
37. Карпович О.Г. *Роль интернет-технологий в реализации сценариев цветных революций «арабской весны» (на примере Египта)* // *Политика и общество*. 2015. № 11(131). С. 1486-1494.
38. Ольхов С.Г. *Закон «добра и зла», нелинейная функция справедливости, политические режимы и деформации политических систем* // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 2. С. 147-154.
39. Пащенко И.Ю. *О «вмешательстве» России в выборы в США: примеры идеологии в американских медиа* // *Научно-практические исследования*. 2020. № 5-9 (28). – С. 65-68.
40. Манзи Д. *Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей* // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14. № 1. С. 142-164. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.142-164>.
41. Архипов В.В. *Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований* // *Правоведение*. 2013. № 2(307). С. 93-114.
42. Luhmann N. *Soziale Systeme Grundriß einer allgemeinen Theorie suhrkamp taschenbuch Wissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2001. 676 s.
43. Ellickson R.C. *Order without Law: How Neighbors Settle Disputes*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1991. xv, 302 p.
44. Wagner A., Werner W., Cao D. *Interpretation, Law and the Construction of Meaning. Collected Papers on Legal Interpretation in Theory, Adjudication and Political Practice*. Dordrecht: Springer, 2007. xii, 219 p.
45. Çoban B. (ed.) *Social Media and Social Movements. The Transformation of Communication Patterns*. London: Lexington Books, 2016. xx, 252 p.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021

Статья принята к публикации 20.08.2021